

На правах рукописи

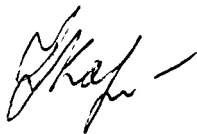
Карпичева Наталья Леонидовна

**ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПОЗДНЕЙ НОВЕЛЛИСТИКИ
В.С. ГРОССМАНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ
1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.**

Специальность 10 01 01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

18 СЕН 2008

Магнитогорск – 2008

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент
Торшин Анатолий Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Петров Василий Борисович

кандидат филологических наук,
доцент
Гришин Александр Сергеевич

Ведущая организация: Башкирский государственный педагогический
университет им М Акмуллы

Защита состоится «17» сентября 2008 года в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212 112 03 при Магнитогорском государственном
университете по адресу 455038, г Магнитогорск, пр Ленина, д 114, ауд 211

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Магнитогорского
государственного университета Текст автореферата опубликован на
официальном сайте ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный
университет» [http //science masu ru](http://science.masu.ru) «15» августа 2008 г

Автореферат разослан « 15 » августа 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

 А В Петров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Этапный характер десятилетия хрущевской «оттепели» в развитии общества и отечественной культуры, литературы в том числе, у современных исследователей не вызывает сомнений. Его приметы А Бочаров, Н Лейдерман, С Чупринин не без основания находят в кризисе социалистического реализма и в попытках «нащупывания» путей его преодоления. Однако вехи этого процесса просматриваются преимущественно на материале немногочисленных произведений крупной и средней формы, что приводит к очерчиванию лишь его общих контуров. В связи с этим актуальным представляется обращение к обширному пласту русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х годов. Сосредоточение внимания на поздней новеллистике В С Гроссмана, отмеченной яркой индивидуальностью и во многом обозначившей начало идеологического раскрепощения русской литературы, позволяет полнее раскрыть истоки нравственно-психологической и лирико-философской тенденций развития «малого жанра» во второй половине 1960-х – начала 1980-х годов.

Объектом изучения является новеллистика В С Гроссмана 1953 – 1963 гг в широком контексте, который включает в себя с одной стороны, малую прозу современников писателя, а с другой – произведения классической русской традиции XIX века. Комплексностью объекта обусловлено привлечение к исследованию широкого материала, в который входят: малая проза Ф Абрамова, В Астафьева, В Белова, В Богомолова, Н Грибачева, Ю Казакова, Е Носова, К Паустовского, М Пришвина, А Солженицына, В. Шукшина 1950-х – первой половины 1960-х гг, ранние новеллы Гроссмана, его романное творчество, произведения А Чехова и М Булгакова.

Предмет изучения – проблематика и поэтика новеллистики В Гроссмана 1953 – 1963 гг в системе внутрилитературных взаимодействий.

Цель исследования – раскрытие феноменологического характера поздней новеллистики Василия Гроссмана для отечественной малой прозы 1950 – первой половины 1960-х гг.

Реализация цели предусматривает решение комплекса *задач*

- выявление основных типологических черт малой русской прозы 1950 – первой половины 1960-х годов,
- исследование особенностей проблематики в новеллистике В Гроссмана 1953 – 1963 годов,
- определение доминант поэтики в малой прозе рассматриваемого периода,
- выявление литературных истоков идейно-эстетического феномена поздней новеллистики В Гроссмана.

Состояние литературы на тот или иной период нового времени принято оценивать прежде всего в связи с образцами крупной эпической формы. Малая проза, при всей ее значимости для осмысления действительности на изломе социально-исторического развития, как явление самостоятельное и самоценное зачастую остается за рамками литературоведческих исследований. Не

составил исключения в этом отношении и творчество В.С. Гроссмана. Так, исследованию философского и эстетического своеобразия романа «Жизнь и судьба», опубликованного лишь в начале 1988 г., посвящено более десятка рецензий, а позже множество научных работ, среди которых монографии Л. Аннинского, И. Дедкова, И. Золотусского, статьи Л. Лазарева, Б. Ланина, В. Кардина, И. Касавина, А. Коваленко, Л. Колобаевой, З. Миркиной и Г. Померанца, А. Солженицына, В. Чалмаева. Исследованию опубликованной в 1989 г. повести «Все течет» посвящены статьи А. Бочарова, Г. Померанца, В. Сироткина и др. В то же время перечень исследований, посвящённых малой прозе писателя, крайне невелик: статьи Н. Атарова, А. Бочарова, В. Лазарева, представляющие общую характеристику поздней новеллистики художника, а также ряд публикаций, касающихся отдельных произведений малой эпической формы (И. Дедков, С. Липкин, А. Немзер, В. Охитин).

Недостаточная изученность новеллистического пласта творчества В. Гроссмана усугубляется и тем, что после «ареста» рукописи романа «Жизнь и судьба» в 1961 г. и вплоть до конца 80-х гг. прошлого века произведения В. Гроссмана, «малого жанра» в том числе, не выходили в печать за редчайшим исключением. Но и после того, как тексты писателя стали вновь открытыми для публикации, интересы исследователей сосредоточились преимущественно на романной дилогии, а новеллам уделялось внимание, как правило, лишь в связи с некой аксиоматической «вспомогательностью» их функции относительно текста «Жизни и судьбы». Попыток же системно изучить новеллистику В. Гроссмана и каким-либо образом обозначить ее место в жанровой картине литературы рассматриваемого периода не предпринималось. Таким образом, панорама новеллистики 1950-х – первой половины 1960-х гг. без имени В. Гроссмана представляется неполной.

Научная новизна работы определяется впервые предпринятым исследованием малой прозы В.С. Гроссмана, её идейно-художественных особенностей в системе контекстуальных связей.

Методологию исследования составили историко-литературный, сравнительно-исторический, типологический, интертекстуальный и структурно-герменевтический методы, элементы историко-биографического, мифопоэтического, аксиологического методов.

Теоретической основой стали идеи и концепции ведущих русских филологов М.М. Бахтина, А.С. Бушмина, А.Н. Веселовского, В.В. Виноградова, Е.М. Мелетинского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, труды современных теоретиков литературы Г.Н. Поспелова, Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпы, В.Е. Хализева и других, работы по проблемам малого жанра Н.И. Крамова, А.В. Огнева, Э.А. Шубина. Учтены подходы А.Г. Бочарова, Н.Л. Лейдермана, С.А. Чупринина к рассмотрению русской прозы периода «оттепели».

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ основных и специальных курсов по истории русской литературы XX века в вузовском преподавании и школьной практике.

*На защиту выносятся следующие положения**

- 1 Новеллистику В С Гроссмана 1953 – 1963 гг следует рассматривать как явление самоценное с содержательной и эстетической точек зрения
- 2 Феноменальность поздней новеллистики писателя обнаруживается при сопоставлении её с русской малой прозой 1950-х – первой половины 1960-х гг, а также в сравнении с довоенными рассказами писателя, не выходящими за рамки соцреалистического метода
- 3 В С Гроссман в послевоенной прозе выходит за рамки отечественной истории, а изображение событий Второй мировой войны становится формальным поводом для философских размышлений о явлении войны как трагедии братоубийства
- 4 Новеллистичность поздней малой прозы В С Гроссмана на фоне «рассказовости» творческих опытов других авторов обусловлена планетарным характером нравственно-философской проблематики при минимальной обращенности к национальному материалу (Великая Отечественная война, русская деревня, родная природа)
- 5 Концепция дома в новеллах В Гроссмана 1953-1963 гг берет свое начало в классической традиции русской литературы, восходя к художественным решениям И Гончарова, Л Толстого, А Чехова и особенно М Булгакова
- 6 В сфере концепции личности, в сюжетной организации, а также в повествовательном (словесном, стилистически-языковом) плане поздняя новеллика В С Гроссмана восходит к зрелой прозе А П Чехова

Апробация работы. Основные положения диссертации были апробированы на межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики Вопросы филологического образования» (ОГТУ, 2006), на Всероссийской научной заочной конференции «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох Форма и содержание: категориальный аппарат» (Старооскольский филиал Белгородского госуниверситета, 2007), на международной конференции «Бытийное в художественной литературе» (Астраханский госуниверситет, 2007), на международной конференции «VIII Ручьевские чтения Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе» (МаГУ, 2007), на ежегодных внутривузовских научных конференциях преподавателей МаГУ (2005 – 2008 гг)

Структура работы Работа состоит из введения, трёх глав и заключения. Текст диссертационного сочинения составляет 203 страницы, библиографический список включает 218 наименований

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении дано обоснование актуальности темы и ее научной новизны, сформулированы цели и задачи исследования, определены объект и предмет анализа, представлен обзор критической литературы, посвященный прозе В С Гроссмана

Первая глава «Типологические черты русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.» посвящена исследованию литературного процесса периода «оттепели», выявлению особенностей художественного осмысления комплекса нравственно-философских и социально-исторических проблем в рамках бытования «малого жанра»

В первом параграфе «Рассказы о Великой Отечественной войне: от монументальности к "диалектике души"» рассмотрена специфика освещения военной тематики в текстах Ф Абрамова, В Астафьева, В Богомолова, Н Грибачева, К Паустовского, авторов «лейтенантской прозы»

Очевидное, с той или иной степенью экстремизма, «выламывание» из канонов соцреализма, обусловленное общей атмосферой «оттепели», частично определило художественные поиски авторов, в том числе и в «малом жанре» В центре внимания оказывается мотив возвращения с войны и связанная с ним проблема переоценки ценностей, решаемая параллельно на двух уровнях – для героя и для автора Неслучайны в связи с этим названия рассказов А Платонова «Возвращение» (1946) и М Шолохова «Судьба человека» (1956), своей художественной новизной запечатлевших рубеж, на который выходила послевоенная литература Выписанный Платоновым образ сержанта Иванова многое роднит с героями «потерянного поколения» в европейской литературе Содержание концепта «возвращение», таким образом, вскрывает диалектику души героя С одной стороны, это радость прошедшего тяжкие испытания и победившего человека, с другой же – новое испытание, новый жизненный экзамен, который герой едва не проваливает «Судьба человека» явился одним из так называемых «монументальных рассказов», характерной чертой которых становятся размышления о судьбе простого человека и судьбе века, спроецированных друг на друга Рассказ М Шолохова одновременно обозначил и движение реалистической прозы от монументальности к психологизации

К Паустовский в ходе реализации лирико-романтической тенденции использует мотив возвращения с войны и связанный с ним специфический хронотоп – малая родина в послевоенное лето («Ночь в октябре», «Воронежское лето», «Шиповник») Лирический пафос прозы проявляется в пристальном внимании к каждой подробности, в своеобразной художественной ретардации

«Поколение лейтенантов» (В Астафьев, К Воробьев, Ю Гончаров и др) заявило о себе образцами «окопной правды» – правдивым изображением событий войны практически без идеологического подтекста Одним из первых опытов такого рода стала повесть В Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946)

Мотив возвращения здесь работает иначе, поскольку война является практически первым «сильным» жизненным впечатлением, «лейтенанты» снова и снова возвращаются только к войне. Существование в огне и пыли, запечатленное в натуралистических подробностях, подаваемых скорописью через психологизацию хронотопа и сниженную тропику, представляет явление «критического реализма», противостоящее проповеди всеобщего героизма и пропагандистскому пафосу.

Размышлениям о прошлом и будущем человека посвящен рассказ В. П. Астафьева «Ясным ли днем», лирико-натуралистическое видение в рамках которого очевидно восходит к художественной парадигме «лейтенантской прозы», а лиро-эпическое начало отсылает к фольклорным традициям. В этом произведении В. Астафьевым в определенной степени уже преодолен «ремаркизм», свойственный «лейтенантской прозе». Наличием элементов фольклора и народно-смеховой культуры отличаются и прочие рассказы Астафьева о войне («Сашка Лебедев», «Передышка»).

Нравственно-философский характер имеет и другая тенденция малой военной прозы, сконцентрированной на изображении женских судеб и раскрывающей тему войны как насилия над жизнью, над первоосновами бытия. В рассказе В. Астафьева «Тревожный сон» (1964) эта тема рассмотрена в символическом ключе. Война как насилие над природой, как нарушение извечных законов бытия человеческого передается через поэтику снов. Обобщенный образ скорбящей матери воплощен в рассказе Ф. Абрамова «Материнское сердце», представляющем собой исповедь-плач старухи, потерявшей на войне всех своих пятерых сыновей.

Теме материнской скорби посвящены и лирические миниатюры В. Богомолова. Особенностью авторского почерка в прозаическом творчестве становится использование изобразительных средств других родов литературы. Приемы ритмизации прозы отчетливо проявлены в миниатюрах «Сердца моего боль», «Кладбище под Белостоком», отличающихся предельной концентрацией смысла.

Концепт «возвращение» явился ключевым в «оттепельной» литературе, определив особенности как содержательного, так и формального порядка обращения к народной духовности, к проблеме простого человека и простых человеческих ценностей (к жизни страны, но не государства). Возвращение человека к мирной жизни часто оборачивается своей противоположностью – периодическим вторжением страшной памяти о войне в мирную жизнь.

Второй параграф «"Деревенская" проза: социальная реальность и духовная истина» посвящен исследованию нравственно-философской проблематики и особенностей поэтики малой прозы о деревне.

«Деревенская» проза своим идейно-тематическим содержанием и стилистическим своеобразием примыкает к опытам новой прозы, что позволяет говорить о преодолении канонов соцреализма. На более поздних этапах развития литература о деревне приходит ко все более острой социальной, экологической, нравственно-философской проблематике, изображая разрушение и гибель русской деревни.

Самобытность так называемых «деревенщиков» состоит еще и в том, что, избегая остросоциальной полемики и любых проявлений эпатажа, они находили свой предмет изображения Концепция человека, предлагаемая «деревенской» прозой, основана на ситуации тройного возвращения через возвращение автобиографического героя на малую родину, в деревню, которое есть возвращение человека к самому себе, предполагающее обращение к традиционной народной духовности, а на эстетическом уровне – к традициям классического русского реализма и к образцам исконно русской речи

В целом, в «деревенской» прозе периода ее становления бытуют два противоположных начала аналитическое и лирическое Предпосылкой аналитической линии становятся очерки В Овечкина («Районные будни», «В том же районе», «В одном колхозе») Именно очерковая проза в силу своего публицистического характера и возможности открыто обращаться к читателю выходит на передовую «оттепельной» литературы, становясь идеальным исполнителем социального заказа Это связано со спецификой жанра, заключавшейся в преодолении теории бесконфликтности и обращении к «чистому» аналитизму, во многом восходящему к традиции «натуральной школы». К овечкинскому линии «деревенской» прозы примыкает С Залыгин («Красный клевер», «Блины», «Заместитель»), выстраивающий сюжеты своих рассказов, зачастую жанрово граничащих с очерком, вокруг специфического «деревенского» конфликта, раскрываемого через взаимодействие оппозиционных пар персонажей

В качестве же некоего промежуточного явления между очерковой и художественно-новелистической линиями «деревенской» прозы следует рассматривать «Привычное дело» В Белова и «Деревенский дневник» Е. Дороша В этих произведениях явно обозначился смешанный тип повествования. В стилевой ткани и мелодике текстов тесно переплетены лирические, пейзажные и психологические зарисовки с документально-деловыми выкладками, образцы разных уровней народной языковой культуры (от бытового просторечия до возвышенного песенно-поэтического) с литературной речью. Авторская речь здесь зачастую субъективирована и порой сливается с рефлексией философского сознания героя Созданные образы крестьян – Ивана Федосеевича из одноименного рассказа Е Дороша и героя белового рассказа «Привычное дело» Ивана Африкановича – представляют собой типы положительного героя «деревенской» прозы Центральные персонажи произведений В Белова и Е Дороша – носитель традиционной народной мудрости вкупе с деловой хваткой и человек, потерянный в мироустройстве, но чуткий к знакам жизни и ищущий нравственную опору

Поиски гармонии человеческой души в творчестве Н Грибачева («Вьюга», «Вадик», «Августовские звезды», «Последний дом»), Ю Казакова («Запах хлеба»), Е Носова («За долами, за лесами», «Домой за матерью»), А Солженицына («Матренин двор»), В Шукшина («Чужие», «Сураз», «Осенью») и др приводят к образу малой родины Во многом будучи городскими интеллигентами, получившими образование и отделившимися от каждодневной реальности деревенской жизни, писатели-«деревенщики»

изображают не только и не столько деревню, сколько отношение человека городского к деревенскому жизненному укладу и к специфике крестьянского мирозерцания

Третий параграф «Природа и человек в малой прозе периода "оттепели"» посвящен специфике воплощения нравственно-эстетических исканий авторов «малого жанра» в рамках обобщенной темы

Символично, что именно на начало «оттепели» приходится последние произведения ушедшего в 1954-м г М Пришвина, в своем творчестве никогда не примыкавшего к официальной соцреалистической линии, но последовательно развивавшего традиции классической русской гуманистической литературы (И Бунина, А Толстого, Л Толстого) М Пришвин прибегает к сказочной поэтике в знаменитых «Кладовой солнца» и «Корабельной чаше» Нравственно-эстетические искания ММ Пришвина в русле лирико-философской, ритмической, импрессионистической прозы явились воплощением «русского космизма», повлиявшего на творчество многих писателей второй половины XX века, обратившихся к теме природы и деревни

Бесконфликтны ранние рассказы о природе Е Носова, в которых особую роль играет созерцательное, живописное начало («Краски родной земли», «Весенними тропами», «Дымит черемуха», «Тридцать зерен») Главным героем носовской прозы зачастую становится естественная ежедневная жизнь природы, воспринимаемая рассказчиком как праздник Характерны для текстов и сказочные приемы, анимализированность повествования Поэтика рассказов и зарисовок Е Носова 1960-х гг во многом восходит к стилистике М Пришвина, К Паустовского В эти годы К Паустовский разрабатывает линию лирико-романтической новеллистики в циклах экзотических рассказов «Белые облака», «Этикетки для колониальных товаров», отличающихся характерным для его творчества торжеством оптимизма и веры в человеческую доброту и чуткость Герой Паустовского – тип создающего человека

Последовательная разработка экологической темы в произведениях Ю Казакова восходит к физиологическому очерку, к «охотничьей» прозе Тургенева и пейзажности бунинского повествования Избегая злободневности и социальных конфликтов, писатель во многом созвучен и апологетам «русского космизма» К Паустовскому, М Пришвину Новеллистичностью, сюжетной стремительностью отличаются рассказы Ю Казакова о животных «Тэдди» и «Арктур – гончий пес», являющие размышления о вариантах судьбы прирученных животных, о внезапном и стихийном осознании ими природного предназначения Второй казаковский ракурс («Двое в декабре», «Голубое и зеленое», «Адам и Ева») – импрессионистическое видение, предпочитаемое проникновению в глубинный конфликт природы и человека, здесь специфической чертой явилось смещение повествовательных планов Природа в рассказах персонафицирована если в ткани повествования есть люди, то они даны, как правило, вне социальных координат и вне психологической сложности, а пейзажи ошутимо довлеют над персонажами

Художественной особенностью прозы Ф. Абрамова становится локализация общих конфликтов в рамках вполне конкретных и художественно стилизованных под сказочный сюжет ситуаций («Сосновые дети», «Последняя охота», «Пролетали лебеди»). Произведения соединяет в себе черты традиционного реалистического проблемного рассказа и волшебной сказки (центральные персонажи – архетипические образы лесника-лешего, хромого волка-оборотня, детей-лебедей).

Тема природы и человека, как и «деревенская» проза периода «оттепели», сохраняет общий конфликт «лада» и «разлада», где природа сказочно опозитивирована, мистически одухотворена, а реальность человеческой жизни предстает в обезличенном и обездушивающем потребительском эгоизме. Экологическая тема в рамках рассматриваемой прозы в 1950 – 1960-х гг. еще не выделена окончательно.

Так, зарегистрировав новое осмысление исторической и военной тем, зарождение «деревенской» прозы с ее специфической проблематикой, обозначив порубежную ситуацию переоценки ценностей и возвращения к классической традиции, литература «оттепели» в целом и малая проза в частности явила собой переломный этап в развитии русской художественной словесности. Симптомом этого перелома служит очередной «взлет» новеллы и рассказа как «жанра-разведчика», происходящий в десятилетие, начиная с середины 1950-х гг.

Вторая глава «Образно-смысловое поле поздней новеллистики В. Гроссмана» посвящена исследованию проблематики и поэтики в малой прозе писателя 1953 – 1963 гг.

В первом параграфе «Проблема тоталитарного государства и личной свободы человека» исследуются произведения, посвященные теме войны и государственных репрессий. В центре внимания такие тексты, как «Авель (Шестое августа)», «Тиргартен», «Дорога», «Сикстинская мадонна», «Мама», «В Кисловодске».

В.С. Гроссман говорит не о Великой Отечественной (как это делает большинство авторов, избирающих для своей прозы военную тематику), а о Второй мировой войне, что, в свою очередь, становится поводом к философским размышлениям о войне вообще.

В новелле «Авель (Шестое августа)» трагедия Хиросимы показана нетрадиционно для писателя важна и гибель целого города, и экологическая катастрофа, но более всего – личная трагедия того человека, которому суждено привести в действие убивающий механизм. В тексте произведения отчетливое воплощение находят библейские реминисценции, связанные с проблемой нравственного суда. В центре внимания проблема личной свободы, выбора и ответственности. Новелла «Авель (Шестое августа)» (1953) становится точкой отсчета одновременно для всех четырех проблемно-тематических групп новеллистики Гроссмана 1953–1963 гг. (темы войны и тоталитарного государства, экологической и нравственной проблематики), определяя в общих чертах художественную концепцию поздней малой прозы писателя.

В «Авеле» формальным поводом обращения к теме свободы становятся события Второй мировой войны, освещенные «политкорректно» по отношению к официальной позиции советского правительства и сугубо критично относительно противника в холодной войне В новелле «Тиргартен» (1953–1955), фактически вскрывающей клиническую картину германского фашизма, появляется, хотя и тщательно завуалированная, параллель в осмыслении немецкого и советского вариантов тоталитаризма Для текста произведения характерна стилевая эклектичность, проявляющаяся в соединении новеллистического и публицистического начал Проблема свободы решается посредством анимализации повествования, параллелизма в изображении животных в клетках зоопарка и граждан тоталитарного государства Стремительное развитие сюжета и психологической коллизии, прямо пропорциональные растущему самосознанию главного героя, сторожа Рамма, приходят к внезапной развязке, параллельно с событием исторического масштаба и значения – крушением Третьего рейха

Мотив свободы становится центральным и в анимализированной (а за счет этого – иносказательной) новелле «Дорога» (1961–1962), сюжетный динамизм которой определяется повествованием о превратностях судьбы итальянского мула Джу, рожденного служить целям, для него непонятным Новеллистический сюжет включает отчаянную борьбу за сохранение внутренней свободы, ее потерю в безмерном страдании и новое обретение в сострадании

Развитие темы войны, воплощаемой Гроссманом, происходит в двух направлениях *сужения* (ракурса до личной трагедии индивидуального бытия) и *расширения* (видения от локального конфликта к общечеловеческим категориям)

Параллельно с темой войны, служащей поводом для постановки широкого круга проблем, писателем исследуется тема государственных репрессий (в произведениях малой прозы, за исключением «Одного дня Ивана Денисовича» А И Солженицына, современники писателя этой темы непосредственно не касались) Авторская публицистичность в новеллизированном эссе «Сикстинская мадонна» достигает предельной силы в риторическом «полилоге», объединяющем роли прокурора и адвоката, обвиняемого и судьи Жизнеутверждающий пафос этой сверхтрагической истории выражен в идее смертности человека и бессмертия человеческого, символом которой является картина Рафаэля «Сикстинская мадонна» Синкретичный жанровый характер позволяет автору, обычно самоустраняющемуся в оценках событий, открыто высказывать свою позицию, а общий пафос, глобальность и значимость его выводов придают тексту характер духовного завещания.

Конфликт личности и тоталитарного государства становится определяющим и для новеллы «Мама», в основу которой положена реальная история семьи комиссара госбезопасности Николая Ежова В центре повествования проблема утраты личной свободы, отказа от генетической и исторической памяти Тему «личность и государство» писатель продолжает

раскрывать в новелле «В Кисловодске» Если в тексте «Мама» репрессивный аспект выдвигается на передний план и выводы по поводу происходившего во времена «культы личности» лежат на поверхности, то во втором произведении на уровне подтекста ведется речь о глубинных истоках этого явления и дается прежде всего его нравственная оценка

Интерес к теме тоталитаризма, обусловленный не только «оттепельной» обстановкой, но и личной судьбой, приводит к практически одновременному созданию почти канонической новеллы «В Кисловодске» и такого аллегорического текста как «Птенцы» (1961) В образе Коротыша – красноречивого петуха, питающегося мясом кур и взвешивающего на добычу с орлиной высоты, «вырожденца» среди свободного орлиного народа, – узнаваемы отцы-вдохновители тоталитарных режимов В «Птенцах» автором резюмируются размышления о свободе, представленные в новеллах «Авель», «Тиргартен», «Мама», «В Кисловодске»

В рассмотренных произведениях Гроссман подчеркивает определяющую, подчас роковую, роль государства в становлении и бытии личности Репрессии, война, научно-технический прогресс – эти темы в их более частном воплощении становятся тем индикатором, который проявляет нравственную сущность людей и человечества в эпоху небывалых по масштабам и жестокости экспериментов. Писатель размышляет о всеобщем нравственном законе, краеугольный камень которого – свобода личности, часто несовместимая с жизнью в условиях государственного или военного подчинения В кульминационных моментах повествования автор оставляет героям возможность внутренней свободы вопреки тоталитарному прессу, создавая оптимистическую концепцию человека В этой гуманистической парадигме потеря себя оборачивается злом как для отдельной личности, так и для Мира

Во втором параграфе «Дисгармония человеческого сосуществования и гармония человеческой души в новеллистике В.С. Гроссмана 1953 – 1963 гг.» исследуются тексты «На вечном покое», «Фосфор», «Мама», «В большом кольце», «Жилица», «Из окна автобуса», «За городом», «Осенняя буря», «Собака», посвященные таким общеполитическим вопросам, как добро и зло, война и мир, жизнь и смерть, социальное и человеческое в отношениях людей

Новеллы рассматриваемого периода циклизируются на уровне авторского замысла, представляя некий коллективный портрет современника и соотечественника, с разнообразными судьбами и в то же время с одной общей судьбой Так, своеобразный вертикальный срез советского общества являет внешне организованный по принципу очерка текст «На вечном покое», по сути, цикл новеллистических миниатюр, в центре которых – вопросы памяти и забвения, правды и лжи, жизни и смерти

В рамках нравственно-философской проблематики поздней малой прозы писателя важное место занимает проблема межличностных отношений В рассказе с символическим названием «Фосфор» жанровую форму не новеллы, но рассказа обуславливают повествование обо всей жизни, обращение к образу рассказчика, отсутствие явной сфокусированности на сюжете и наличие ярко выраженного морализаторского фактора В повествовании о судьбах героев –

судьба советской интеллигенции сталинских времен, а также трагедия, связанная с «культом личности» и его последствиями

В малой прозе В С Гроссмана 1953–1963 гг особое место принадлежит теме детства, восходящей к традициям Ф М Достоевского и А П Платонова («Мама» (1960), «В большом кольце» (1963), эссе «Сикстинская мадонна» (1955)) Материнство, младенчество, продолжение жизни и тем самым связь поколений и времен как основа существования человечества сопрягаются в символическом и реалистическом подходе одновременно Тема детских судеб рассматривается в связи с размышлениями о будущем страны и народа

Автор, в каждой из новелл настойчиво обращаясь к вопросам бытийного масштаба, от воплощения индивидуальных характеров («Авель», «Тиргартен») приходит, по нисходящей, к саркастическому изображению обезличенного «коммунального» человека с его «коллективными» играми, интересами и стремлениями («Жилища») Так, завершенный «портрет современника» представляет собой деиндивидуализированную личность

Другим вектором авторского исследования нравственной сущности современника становится «экология человеческой души», порожденная спецификой истолкования темы человека и природы и, в свою очередь, обуславливающая тему вселенской гармонии, экологии космоса При очевидном проблемно-тематическом единстве (в этом смысле произведения В С Гроссмана вполне вписываются в контекст рассмотренных в предыдущей главе рассказов Ю Казакова, Е Носова, К Паустовского, М Пришвина 1950 – первой половины 1960-х гг) такой уровень обобщения характерен именно для творчества В Гроссмана Крайняя степень отчуждения человека от природы противопоставлена всеобщему новеллистическому пафосу «возвращения» в природу и акцентируется с помощью избираемого героя – туриста, дачника, экскурсанта или экскурсовода Это противопоставление усиливается образом стеклянной преграды окна («Из окна автобуса»), застекленной террасы («За городом»), балконных дверей («Осенняя буря»)

Пейзажные мотивы в рассматриваемых текстах Гроссмана минимизированы и являются не самоцелью, но одним из звеньев организации конфликта, состоящего в трагически порываемых или вовсе порванных связях между человеком и природой Кроме того, очевидное тяготение к новеллистической эстетике усугубляет диссонанс поздней малой прозы писателя с образцами «малого жанра», рассматриваемыми в первой главе Таким образом, дополнительно ослабляются контекстуальные связи, что обуславливает наши поиски жанрового своеобразия анализируемого пласта авторской прозы в рамках традиций русской классической литературы

Третья глава «Актуализация традиций классической русской литературы XIX – начала XX вв. в новеллистике В.С. Гроссмана» посвящена рассмотрению интертекстуальных связей и концептуальных взаимодействий поздних новелл В С Гроссмана с произведениями А П Чехова и М А Булгакова

Первый параграф «Концепция дома в позднем новеллистическом творчестве В.С. Гроссмана и ее истоки в русской литературе» посвящен исследованию хронотопа дома в малой прозе писателя 1953–1963 гг. В качестве особенностей пространственно-временной организации текстов подчеркивается художественная метафизичность, преобладание в структуре текста личного пространства над объективно существующим, а психологического времени над физическим и историческим. Одной из граней воплощения этого видения является такая аксиологическая константа, как мифологема («дом»), восходящая к эстетическим поискам русской классической литературы и генетически связанная с именами А. Пушкина, И. Гончарова, Л. Толстого, А. Чехова и особенно М. Булгакова («Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Собачье сердце»).

Советско-московская идиллия в гроссмановском тексте «Несколько печальных дней» во многом восходит к «выборгской идиллии» И. Гончарова («Обломов»), вскрывая губительность существования, замкнутого на обывательских интересах. Смерть, оставаясь «минус-приемом» для сюжетостроения (автор вообще чужд натуралистических описаний), часто становится для Гроссмана поводом к выяснению истинной природы тех связей, которые соединяют людей друг с другом. В этом отношении к новелле «Несколько печальных дней» примыкает рассказ «Обвал». Здесь вполне ощутимы традиции Л.Н. Толстого, а именно связь с его рассказом «Смерть Ивана Ильича». Рассматриваемые произведения Л. Толстого и В. Гроссмана роднит проблема неподлинности существования, решаемая через конфликт вечного и вещного, а на уровне художественной организации посредством изображенного замкнутого пространства – дома как тюрьмы духа.

Одним из главных средств конструирования художественной реальности в творчестве как М. Булгакова («Белая гвардия», «Дни Турбинных», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита»), так и В. Гроссмана становится хронотоп дома. Общность структуры этого хронотопа рассматриваемых произведений проявлена в *психологизации физического времени, в имманентности личного пространства героев*, в противопоставлении внутреннего – домашнего (дом-крепость) внешнему – враждебному пространству. Эти идеи в целом сводимы к концепциям М. Булгакова (дом-крепость) и Л. Толстого (мир-война). Писатели прибегают к подробному изображению быта (детали-символы: окно, порог, шторы, лампа, книги, антиквариат). Обязательным становится наличие женского образа – хранительницы очага.

Идея дома в новелле «Мама» представлена четырьмя концептуальными пространствами: «дом», «детдом» и «общежитие», «жильплощадь». Это условия эксперимента, поставленного тоталитарным государством для воспитания образцово-показательного гражданина «Экспериментатор». Достигает ожидаемого результата, ибо в финале текста Надежда Ежова счастлива («образцовым общежитием»).

На протяжении творческого пути в значительной части произведений, и в новеллистике позднего периода особенно, Василий Гроссман последовательно воплощает концепцию дома как субстанции, в которой зафиксированы проявления быта и бытия. При этом за героями оставляется право быть самими

собой хотя бы в стенах собственного жилища Персонажи делятся на оппозиционные группы не в последнюю очередь и по признаку значимости для них семейных ценностей Так, можно говорить о «домашних» и «бездомных» героях, о центростремительном и центробежном движении соответственно, о создании мифологемы «дом» как крепости и домашнего очага («Четыре дня» (1936), «В Кисловодске» (1955), «В большом кольце») в одних новеллах и последовательном ее разрушении – в других («Несколько печальных дней», «Мама», «Обвал»)

Предоставляя героям дом, семью, близких, тепло семейного очага, писатель вручает им не окончательную благодать, но только шанс на подлинное существование Сохранение или разрыв связей, «пряжушки нить жизни», зависит от самоопределения героя и решается по-разному, испытания же, необходимые для подобной инициации, обеспечены самой судьбой «Разрушение» дома в механическом или каком-либо ином внешнем смысле для писателя не суть «гибель» дома Сохранивший идею и чувство «дома» в себе, подобно Энею, может построить свой новый «дом»

Второй параграф «Чеховские традиции в поздней новеллистике В.С. Гроссмана» посвящён выявлению истоков художественного своеобразия малой прозы В С Гроссмана 1953–1963 гг

В новеллах В С Гроссмана «Авель (Шестое августа)», «В Кисловодске», «Дорога», «Тиргартен», «Мама», «Несколько печальных дней» воплощена «чеховская» традиция разрыва личности и характера как драматический конфликт исторически-социальной заданности и личностного потенциала Гроссмановский герой – неизменно проблемный герой Свойственная новеллам писателя драматичность и трагедийность повествования обуславливают, в свою очередь, фабульность, стремительность и неожиданность развязок, присущих именно жанровой разновидности новеллы Характерной чертой малой прозы В С Гроссмана становится сосредоточение внимания на герое-интеллигенте и связанном с особенностями его мышления экзистенциальном конфликте – диалектическом противоречии сущности и существования Этот конфликт восходит к чеховской парадигме внутритекстовых отношений характера и личности персонажа и решается как преодоление последней заданных рамок характерности, либо, напротив, как финальное самоограничение изначально более или менее полноценной личности Такая эволюция персонажей соответствует схемам («футляризации» или «расфутляризации»)

Анекдотичность (но не чеховская социально-бытовая, а актуальная социально-историческая) более характерна для ранних гроссмановских рассказов («Четыре дня» (1935), «Муж и жена» (1935), «Маленькая жизнь» (1936), «Рассказик о счастье» (1934–1935))

Поздним же новеллистическим текстам писателя, отличающимся большей философской глубиной, сообщена притчевость Определённый параболический элемент присущ анимализированным новеллам «Дорога», «Тиргартен» и в чистом виде воплощен в тексте «Птенцы» Обращение к притчевому строю обусловлено, помимо эстетического замысла, и некоторыми цензурными соображениями Символично-аллегорический подход позволяет

высказываться о проблеме тоталитаризма. Кроме того, обращение к жанру притчи диктует лаконичность как следствие центростремительности повествования в рамках исторически устной формы. Отсюда сконцентрированность или фрагментарность сюжета, строгость и выверенность композиции, неразвернутость характеристик и описаний, психологическая и событийная сжатость, лаконичная «сухость» выражений, а также схематичность характеров, акцентированность на «говорящих», «укрупненных» деталях, внезапные монтажные переключения с крупных планов на общие и наоборот.

В поздней новеллистике В Гроссмана тема детства, как и мотив материнства, оказывается одним из центральных звеньев авторской концепции личности. Ряд художественных решений связывает содержание гроссмановской новеллы «Мама» с чеховским рассказом «На подводе». Повествование пронизано драматизмом противоречия между личностным потенциалом (нереализованным) и реальным «футляром» бытия героини. Личность гроссмановской героини, как и чеховской, коренится в забытом прошлом, которому нет места в настоящем.

Наиболее яркими примерами функционирования такой художественной детали, как взгляд, являются чеховские тексты «Архиерей» и «Дом с мезонином», где данная деталь приобретает очевидный ценностный характер. Концептуальное значение имеют разработанные системы «зеркал души» в новеллах Гроссмана «Тиргартен», «Мама», «В Кисловодске». Изображение глаз становится одним из главных средств психологизации и символизации в текстах В Гроссмана при обычном (также идущем от Чехова) отсутствии прямой оценочности, скрывающем авторское суждение на глубинных уровнях структуры.

Общность жанрообразования, помимо диахронического аспекта (преемственности), обусловлена и причинами синхронического порядка актуальной ситуацией социально-исторического «межвременья» и собственно творческой эволюцией того и другого писателя. Столкновение «поэтической» нормы авторского сознания с «прозаической» действительностью выводит В С Гроссмана вслед за А П Чеховым на уровень художественной философии, суть которой – в раскрытии диалектического противоречия между сущностью и существованием человека.

В Заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы.

Поздняя новеллистика В С Гроссмана о войне и содержанием, и поэтикой ощутимо отличается от малой русской прозы 50-х – середины 60-х гг. Специфика освещения военной темы в текстах писателя проявляется в выходе за пределы отечественной истории, в спроецированности на ее события обстоятельств Второй мировой войны в целом, в тесной связи с проблемой тоталитарного общества. В центре внимания такие общеполитические вопросы, как добро и зло, война и мир, жизнь и смерть, социальное и нравственно-этическое в отношениях людей.

Феноменальность поздней новеллистики В С Гроссмана обнаруживается на фоне формирующейся традиции «деревенской прозы» и примыкающей к ней прозы о природе, ее очерковой линии (В Овечкин, С Залыгин, Е Дорош, В Тендряков) и собственно рассказовой (В Белов, Е Носов, В Распутин, В Астафьев, Ф Абрамов, В Шукшин, А Солженицын) Творчество В Гроссмана принципиально не соотносимо с «деревенской прозой» и, соответственно, её вариантом «возвращенчества» Специфика освещения темы природы и человека, выделение которой в чистом виде представляется весьма проблематичным, в поздней новеллистике писателя состоит в восхождении к проблеме экологии человеческой души, нравственного космоса человеческого существования Автор констатирует стремление к духовной гармонии -- в одних случаях и невозможность возвращения к ней – в других, причем, не только для человека, для современника, для русского народа, но для человечества

«Возвращение» в новеллистике В С Гроссмана имеет принципиально иную основу Писатель обращается к традициям классической русской литературы, минуя современные тенденции Аксиология В С Гроссмана во многом обращена к гуманистической концепции личности, одним из частных проявлений которой на уровне хромотопизации текста становится авторская концепция дома, напрямую восходящая к философским взглядам и художественным решениям А Чехова и М Булгакова Специфика воплощения темы детства в поздней новеллистике В Гроссмана обращена к традиции Ф Достоевского, А Платонова, М Шолохова

Содержание, обусловленное очевидной планетарностью писательского мышления, в свою очередь диктует и такую интернациональную форму малой прозы, как новелла Она же, не обладая пластичностью рассказа, требует большей художественной емкости, лаконичности, вплоть до тезисности, обязательной фабульной напряженности, сюжетной концентрации с яркими и зачастую неожиданными финалами На фоне преимущественного обращения малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг к рассказовой тенденции, проза Гроссмана строга, лаконична и тяготеет к традиционному новеллистическому письму

Основные положения диссертации отражены в следующих *публикациях*

- 1 Карпичева, НЛ Поздняя новеллистика Василия Гроссмана Типологические черты / Н.Л Карпичева // (Реестр ВАК) Проблемы истории, филологии, культуры Выпуск XVIII / гл редактор МГ Абрамзон – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2007 – С 237 – 241
- 2 Карпичева, НЛ Тема детства в поздней новеллистике В С Гроссмана / НЛ Карпичева // Наука-вуз-школа сб науч тр молодых исследователей / под ред ЗМ Уметбаева, АМ Колобовой – Магнитогорск МаГУ, 2005 – Вып 10 – С 275 – 280
- 3 Карпичева, НЛ Проблема свободы личности в прозе В С Гроссмана и А И Солженицына 1950 – 1960-х гг / НЛ Карпичева // Актуальные

- проблемы литературоведения и лингвистики Вопросы филологического образования матер Российск научно-практ конф – Орск ОГТУ, 2006 – С 107–109
- 4 Карпичева, НЛ Этапы становления «русского извода жанра новеллы» / НЛ Карпичева // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох Форма и содержание категориальный синтез сб науч статей Всероссийской заочн конф – Белгород Изд-во БелГУ, 2007 – С 282 – 288
 - 5 Карпичева, НЛ Соотношение вещного и вечного в поздней новеллистике В С Гроссмана / НЛ Карпичева // Бытийное в художественной литературе материалы Международной научной Интернет-конференции, 20 – 30 апреля 2007 г / сост Г.Г Исаев, В Н Гвоздей, Ю В Бельская – Астрахань Издательский дом «Астраханский университет», 2007 – С 129 – 132
 - 6 Карпичева, НЛ Вторая мировая война в поздней новеллистике Василия Гроссмана Проблема свободы / НЛ Карпичева // VIII Ручьевские чтения Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе исторический, теоретический и методологический аспекты Сб мат междунар научн конф / сост, ред ММ Полехина – Магнитогорск, 2007 – С 153–156

Регистрационный № 0250 от 27 07 2006 г Подписано в печать 07 08 2008 г
Формат 60×84¹/₁₆ Бумага тип № 1 Печать офсетная
Усл печ л 1,00 Уч -изд л 1,00 Тираж 100 экз Заказ № 390
Бесплатно

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, Магнитогорск, пр Ленина, 114
Типография МаГУ